АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОБЛАСТНОЙ
ЗАВОД

ГЕРОИЧЕСКИЙ КАВКАЗ

(ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ИСТОРИКОВ И ЛЕТОПИСЦЕВ
О ГЕРОИЗМЕ КАВКАЗЦЕВ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АзФАН
БАКУ — 1943

EB_1943_AKS_876

АКАДЕМИЯ НАУК СССР — АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Ак Р
51 65

ГЕРОИЧЕСКИЙ КАВКАЗ

(ИЗ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ИСТОРИКОВ И ЛЕТОПИСЦЕВ О ГЕРОИЗМЕ КАВКАЗЦЕВ)

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АзФАН
БАКУ — 1943

Материалы для данного сборника собраны научными сотрудниками Института истории Азербайджанского филиала Академии наук СССР: Г. Б. Абдуллаевым, Ц. П. Агаяном, А. А. Алескерзаде, А. А. Ализаде, А. Н. Газиянц, И. М. Джафарзаде, В. Н. Левиатовым, Е. А. Пахомовым, Т. И. Тер-Григорьяном, З. И. Ямпольским.

Кавказ издревле был заселен многими народами, потомки которых и ныне живут на его территории. На протяжении веков и тысячелетий народы Кавказа много раз с оружием в руках отстаивали независимость и самостоятельность своей страны против врагов.

Кавказ издревле славился своими богатствами. Ряд хищнических, грабительских иноземных государств протягивал жадные руки к Кавказу. Ассирийские цари предпринимали сюда опустошительные походы. Рабовладельческий Рим бросал сюда свои легионы с целью поработить Закавказье. Цари сасанидского Ирана посылали свои войска в Закавказье, желая подчинить население и захватить богатство стран, расположенных к югу от Кавказского хребта. Византийская империя на территории Закавказья вела войны с сасанидским Ираном за установление своего господства.

Арабские халифы в течение десятков лет посылали сюда военачальников с войсками, которые должны были покорить Закавказье и подчинить его власти халифата. Войска сельджукских султанов, полчища монголов, войска шахов Ирана и турецких султанов шли на Кавказ, вели войны, искали власти над Кавказом, искали его богатств.

Против всех этих завоевателей поднимались народы Кавказа и вели напряженную, самоотверженную борьбу. Сколько битв больших и малых произошло в долинах и горах Кавказа. Сколько мужественных и отважных сынов Кавказа сражалось против врагов. Их подвиги, воинское уменье, бесстрашие, ненависть к врагу становились достоянием народа. Деды, матери и отцы воспитывали своих сыновей в духе глубокого уважения к воинской чести, к воинской отваге. В народе позором и презрением клеймили трусость и слабость; лучше смерть, чем бесславие, лучше смерть, чем позор поражения—такие чувства и мысли воспитывались в подростках и юношах.

Жизнь народов, полная окружающими их опасностями, делала не только каждого мужчину, но и многих женщин бойцами.

Так, почти в беспрестанных войнах выковывался характер кавказских народов.

Жизнь учила народы Кавказа военному искусству, храбрости, ненависти к врагам. Много раз народы Кавказа об'е-

диняли свои усилия для борьбы с общим врагом. Они скрепляли свою дружбу в кровавых сечах, их дружба испытывалась в смертельных боях с иноземным врагом.

После присоединения Кавказа к России кавказские народы постепенно вступают на путь боевого содружества с русским народом. В течение XIX в. в нескольких войнах в рядах русских войск сражались части, составленные из кавказцев. В этих войнах кавказцы проявили свои боевые качества. Они стали собратьями по оружию с русскими.

Кавказцы свято хранят боевые заветы отцов. В Великой отечественной войне советских народов против гитлеровской Германии и ее вассалов кавказцы многократно проявили себя как бойцы, заслужившие своим геройством всеобщий почет и уважение. Слава кавказцам, берегущим и приумножающим свою воинскую честь! Слава мужественным борцам за свободу и независимость народов великого Советского Союза!

ДРЕВНИЙ ПЕРИОД

Греческий историк, живший в V в. до н. л., пишет о борьбе мидян, предков азербайджанцев, которые в 612 году восстали против крупного государства—ассирийской деспотии.

„Ассирияне владычествовали в Верхней Азии в течение пятисот двадцати лет. Первыми отпали от них мидяне. Они сражались с ассириянами за свободу и, кажется, доказали свою доблесть, свергнувши с себя иго рабства и добывши свободу. После этого и остальные народы поступили так же, как мидяне. Таким образом все народы азиатского материка освободились"...

(Геродот. „История", кн. 1, гл. 96)

Описывая одного из царей Мидии—Киаксара, правившего в 625—585 годах до н. л., тот же историк сообщает:

„Он, говорят, был еще воинственнее своих предков и первый поделил подчиненные народы Азии на особые военные отряды по способу вооружения: копейщики, стрелки из лука и всадники; прежде все это было смешано без различия".

(Геродот. „История", кн. 1, гл. 108).

О борьбе одного из царей Мидии за независимость против древних персов Геродот писал, что этот царь—Астиаг (585—550 гг. до н. л.) после поражения, нанесенного его войскам Киром:

„вооружил оставшихся в городе мидян, юношей и старцев. Отправившись с ними в поход и сразившись с персами, он был разбит, сам взят живым в плен, а бывшие с ним мидяне пали в битве".

(Геродот. „История", кн. 1, гл. 128)

Сообщая об одном из правителей древней Армении—Тигране (560—536 гг. до н. л.), историк М. Хоренский—автор V в.—пишет:

„И какой человек, в полном смысле этого слова, любящий мужество и мудрость, не возрадуется при мысли о нем и не пожелает итти по следам его. Став главою мужей

и показав мужество, он тем возвысил наш народ и нас, находившихся под гнетом других".

(М. Хоренский. „История Армении". Изд. 1858 г., стр. 62—63).

Останавливаясь на истории древней Мидии, известный географ и историк древнего мира Страбон, живший во II веке, пишет:

„Великая Мидия, разрушив царство Ассирийское, господствовала в древности над всей Азией."

(Страбон. „География", кн. 1, гл. 13, § 5)

Мойсей Хоренский так повествует о совместной борьбе мидян и армян против Ассирии, которая до этого времени угнетала их:

„Варбак, родом из одной из крайних небольших, но сильно укрепленных областей Мидии, муж замечательный в бою... собирает около себя приверженцев из людей мужественных и полезных... Он склоняет на свою сторону также мужественного родоначальника нашего Паруйра... и множество храбрых воинов, искусно владеющих копьем, луком и мечом. Таким образом (Варбак), завладев царством Сарданапала, господствует над Ассирией и Ниневией."

(М. Хоренский. „История Армении". Изд. 1858 г., стр. 59—60).

О предках азербайджанского народа—албанцах—древних племенах, живших в восточном Закавказье, Страбон пишет:

„Население, отличающееся красотой и большим ростом, простодушное, не торгашеское... Сражаются они пешими и на лошадях, в легком вооружении и защищенные панцырями, подобно армянам. Они выставляют больше войска, чем иберы. Они имеют 60.000 тяжеловооруженных пехотинцев, 12.000 всадников, с таким именно войском выступали они против Помпея...

Албанцы сражаются копьями и луками, защищены панцырями и щитами, а также шлемами из звериной кожи, подобно иберам".

(Страбон. „География", кн. XI, гл. 4, § 4)

И там-же он пишет об албанцах:

„Цари их отличаются доблестями".

(Страбон. „География", кн. XII, гл. 12, § 6).

Описывая одну из областей древнего Азербайджана—Мидию Атропатену, в которой, во времена Страбона, правили ми-

дийские цари, породнившиеся с армянскими царями, он пишет, что Мидия Атропатена

„довольно значительна по военной силе, так как по словам Аполлонида, может выставить около 10.000 конницы и 40.000 пехоты".

(Страбон. „География", кн. XII, гл. 13, § 2).

О кадусиях, племени, жившем на юго-западе от Каспийского моря, Страбон пишет:

„они лучшие копейщики и в суровых местностях ведут сражения пешком, а не на лошадях".

(Страбон. „География", кн. XII, гл. 13, § 4).

Страбон отмечает что:

„К числу мидийских обычаев, относится также избрание в цари мужественнейшего человека, впрочем это водится не у всех народов, а только у горцев".

(Там-же, кн. XI, гл. 14, § 11).

Описывая войско кавказцев, Страбон замечает, что в его составе была конница с защищенными панцырями лошадьми. При этом он пишет:

„Любители такого рода конницы—не только мидийцы и армяне, но также албанцы, потому что и они употребляют в дело лошадей в панцырях".

(Там-же, кн. XI, гл. 14, § 9).

Характеризуя иберов—предков грузин, Страбон пишет, что они

„выставляют в случае нарушения мира много десятков тысяч воинов, как из своей среды, так и из скифов и сарматов"

(Там-же, кн. XI, гл. 3, § 3).

На кавказском берегу Черного моря жили племена, о которых Страбон писал, что они

„имеют царя и совет из трехсот мужчин. Войска они выставляют 200.000 человек, потому что весь народ способен вести войну, не будучи даже построен в ряды."

(Там-же, кн. II, гл, § 19).

Описывая кавказские народы, Страбон отмечал, что

„народ албанский и иберский... называются также

кавказцами, располагают страною богатою и очень годною к густому населению".

(Там-же, кн. Xl, гл. 2, § 19)

Дионисий Периегет в 90 году закончил свое сочинение „Землеописание" („Orbis descriptio"). Касаясь прикаспийских областей древнего Азербайджана, он сообщает:

„Я скажу о всех народах, которые там живут... Каспии, за ними—воинственные албанцы и кадусии, живущие в гористой стране..."

(Дионисий Периегет. „Orbis descriptio". гл. 719).

Тот же Дионисий Периегет пишет об иберах, что

„те из них, которые живут на горах, более воинственны".

(Там-же, гл. 695).

Аппиан—древне-римский автор—виднейший из античных историков II века, характеризуя народы Кавказа, пишет что они

„страшны, когда с ними приходится сражаться в лесах, так как они там скрываются и незаметно подкрадываются".

(Аппиан. „Римская история", гл. 103).

Описывая народы Кавказа, автор VI века Присциан сообщает, что у берегов Каспийского моря жило

„храброе племя каспиев, потом воинственные сыны свирепого Марса албанцы".

(Присциан. „Землеописание", 721).

Автор II века Арриан, описавший поход Александра Македонского, сообщает, что в нем участвовали также древние азербайджанцы. При этом:

„албанцы... принадлежали к корпусу мидян".

(Арриан. „Anabasis", кн. 3, гл. 8, § 4).

Древне-римский историк Корнелий Тацит, живший в 56—117 годах, описывая битву народов Закавказья против парфян, отмечает:

„Фарасман (царь иберов)[1] говорил своим, что они никогда не были во власти парфян, что чем сильнее они станут действовать теперь, тем заслужат большую славу своей победой, а если дадут тыл, то их ждет большой позор

---

[1] Слова в скобках среди текста цитат, как в данном так и в остальных случаях, внесены редакцией.

и гибель... албанцы и иберы начали брать в плен, сбивать с лошадей парфян... Фарасман наскочил на своего противника с такой пылкостью, что тотчас же пробил у него каску".

(Тацит. „Анналы", кн. VI, гл. гл. 34 и 35).

Страбон, описывая, как в 1 веке до н. л. народы и племена Закавказья совместно боролись против римских легионов, пришедших в Закавказье под командованием Гнея Помпея, для того, чтобы покорить его власти рабовладельческого Рима, сообщает, что племена, жившие на границах Армении и Грузии

„истребили три помпеевых отряда при переходе последнего через эти горы, потому что они приготовили на дорогах чаши одуряющего меду, который доставляют оконечности древесных ветвей, потом, напавши на людей, напившихся меду и потерявших сознание, они легко одолели их".

(Страбон. Географ ия", кн. XII, гл. 3, § 18).

Плутарх Херонейский, писавший в эпоху римской империи (50—120 годы), излагая историю похода римских легионов в Закавказье, пишет, что римский полководец Помпей, узнав о подготовке албанцев к сопротивлению ему, направил свои легионы против албанцев и

„застал их у реки Абанта выстроенными в боевом порядке; их было 60.000 пехоты и 12.000 конницы... Во главе их стоял брат царя по имени Косис. Когда завязался рукопашный бой, он бросился на Помпея и ударил его копьем по панцырю в том месте, где соединяются листы".

(Плутарх. „Помпей", гл. 35).

Аппиан—римский историк II века, о походе Помпея в Закавказье пишет, что

„Помпея, при его вторжении, соседние народы нисколько не беспокоили, но Орис царь албанцев и Артак—царь иберов устроили с 70.000 войском ему засаду у реки Кирн[1]".

(Аппиан. „Римская история", гл. 103).

Упоминавшийся уже Плутарх (автор II века), описывая совместную борьбу племен и народов Закавказья против войск римских рабовладельцев-захватчиков, сообщает, что к центру

[1] Куры

тогдашней обороны Кавказа—армянской столице Тигранокерте—пришло

„множество албанцев и иберов... пришло также много из числа независимых кочующих орд, живущих у Аракса, побуждаемых собственным желанием и подарками“.

(Плутарх. „Лукулл“, гл. 14).

Дион Кассий, автор III века, так описывает действия албанцев против древних римлян:

„Орис, царь албанцев, живших выше Кирна, с одной стороны желая угодить другу своему Тиграну младшему, а с другой, и главным образом, боясь вторжения римлян в Албанию, притом полагая, что во всяком случае ему удастся что-нибудь сделать, если он зимою врасплох нападет на римлян, стоявших лагерем в одном месте, выступил против них под самый праздник кронии[1]. Сам он двинулся против Метелла Целлера, у которого был Тигран, другой отряд послал против Помпея и третий против Люция Флакка, командовавшего третьей частью войска, с той целью, чтобы они, будучи все одновременно приведены в смятенье, не могли помочь друг другу“.

(Дион Кассий. „Римская история“, кн. XXVI, гл. 51)

Описывая битву иберов против древних римлян, Дион Кассий отмечает, что иберские воины

„рассеялись по лесам и несколько дней держались, пуская стрелы с деревьев, которые там очень высоки...“

(Там-же, кн. XXXVII, гл. 2)

---

[1] 689 г. от осн. Рима—65 г. до н. л.

СРЕДНИЕ ВЕКА

Армянский историк Егише, описывая подготовку армян, албанцев и иберов к битве против сасанидских захватнических войск (в 450 году), сообщает, что участники этой борьбы решили биться с врагами родины, блюдя в этой борьбе следующие правила:

„И первое условие, которое приняли, было следующее: да поднимется рука брата на своего родного брата, если тот отвернется... чтобы отец не пощадил сына, и чтобы сын не стеснялся перед честью отца, пусть супруга вооружается против своего мужа, раб восстанет против своего господина, только божий закон явится повелителем над всеми и проступившийся должен понести кару по указанному закону.[1] И когда вынесли это решение, все выступили вооруженно, в шлемах, с мечами у пояса, со щитом на руке, не только храбрые мужи, но также мужественные женщины".

(Егише. „История". Изд. 1838 г., стр. 39—46).

Описывая сражение в 450 году армян и албанцев против сасанидских войск, Егише отмечает, что армянские и албанские воины, несмотря на свою малочисленность и значительное превосходство сил врага,

„напали на них и ударили на правое крыло их, смяли опрокинули его на левое и предали их мечу по всей равнине; погнали до крепких лесистых местностей близ глубоких лощин (русла) реки Лопнас.[2] На том месте Аршавир, Аршаруни Камсаракан, подняв взоры, закричал как лев и бросился на них как вараз[3]... Вследствие яростного нападения больше (неприятелей) было потоплено в реке, чем пали от меча на земле. От мно-

---

[1] Борьба албанцев, армян, иберов против сасанидского государства за независимость шла под знаменем борьбы христианства против зороастризма (огнепоклонничества), бывшего государственной религией сасанидов.

[2] Река Лопнас отождествляется с рекой Дзегам, близ впадения которой в Куру находилась столица албанских царей гор. Халхал.

[3] Вараз, по армянски—дикий кабан.

жества павших трупов прозрачные воды реки превратились в кровь и никто из них не мог укрыться и спастись в густых лесах равнины...

Они (албанско-армянский отряд) с неменьшей отвагой напали на крепости и города, которые были захвачены персами в Албанской стране. Мужественно воюя, они подожгли укрепленные темницы... а магов, приведенных в ту страну для распространения соблазна (огнепоклонничества), где бы ни находили их в тех укрепленных местах, предали мечу, а трупы их бросили на с'едение птицам небесным и зверям той страны. Очистили места от всех поганых жертвоприношений и спасли церковь от невыносимого угнетения".

(Там-же, стр. 58-65).

Тот-же автор описывает битву армян, албанцев и иберов под руководством Вардана Мамиконяна. Битва эта за освобождение Кавказа от гнета сасанидского государства имела место в 451 году на Аварайском поле около Маку. Егише пишет о кавказцах:

„Все они дружно прибыли на войну... был произведен смотр войскам и оказалось их шестьдесят тысяч конницы и пехоты... Вардан Мамиконян обратился к войску со следующими словами: „во многих сражениях я участвовал, и вы со мною; бывало, когда мы отвагой побеждали, было, что побеждали они нас... трус, убежавший, приобретал презренное имя в стране и подвергался беспощадной казни по приказу царя, а кто храбро бился заслуживал много великолепных подарков от царя. И вот все мы на наших телах носим много ран и рубцов...

Ныне, молю вас, храбрые соратники мои, многие из которых отличаетесь бо́льшим мужеством, чем я, а по рангу и родовитости стоите выше меня, но когда вы добровольно своим ли́чным желанием назначали меня военачальником и руководителем, пусть мои слова окажутся для вашего слуха приятными и желательными, как для старших, так же для младших. Не окажемся трусами перед численностью язычников. Не повернем нашей спины перед мечом смертного человека! Ибо, если бог нам даст победу, мы уничтожим его могущество, чтобы восторжествовала правда!..." Так говорил доблестный полководец пред многочисленным войском. Он также говорил с каждым в отдельности, дал оружие тому, кто нуждался, кто нуждался в одежде, того одевал, кто не имел коня, тому дал коня. Щедрой раздачей провианта

он обрадовал всех. Он появлялся среди них всегда веселым; читал им вслух из военной жизни описания о храбрых мужах.....“

Далее Егише описывает приготовления к битве в сасанидском лагере и в войсках, предводимых Варданом Мамиконяном.

„И когда обе стороны были готовы, полные гнева с великим ожесточением и неимоверной яростью бросились друг на друга. Крики с обеих сторон раздавались как раскаты грома в потемневших облаках, от страшного шума содрогались горные пещеры, от бесчисленного множества шлемов и от блеска вооружения исходили ослепительные солнечные лучи, которые кололи глаза. Блеск от взмахивания мечей и множества копий похож был на сверкающие огни, которые вились с неба. Ибо кто может описать ту страшную сумятицу от страшного шума, где удар щитоносцев, треск тетив луков заглушал слух каждого....

В минуту той жаркой схватки храбрый Вардан наблюдал и увидел, что отборные воины из персидского отряда успели поколебать левый фланг армянского отряда. Он обрушился на них со страшной силой, смял правый фланг персидского отряда, загнал их к слонам, окружил их, рубил, преследуя их до того места, где стоял вражеский отряд бессмертных, и навел на них такое замешательство, что отряд „бессмертных“ дрогнул, их фронт был прорван и они готовы были броситься в бегство... Когда Мушкан Нюсалавурт (предводитель сасанидского войска) увидел это, обернулся в сторону зверей (слонов), которыми командовал Ардашир, наблюдавший из своей высокой, крепкой башни, похожей на укрепленный город. По звуку большой сигнальной трубы, он подвинул отряд и своим авангардом окружил Вардана. А отважный Вардан со своими храбрыми соратниками не мало причинил урона; на том самом месте и сам принял бессмертную кончину мученика (2 июня 451 г. н. л.).

Битва продолжалась долго; вечерело, близко было к наступлению темноты. Многих постигла смерть, особенно вследствие густо валявшихся трупов, похожих на срубленный лес... Те, которые остались живыми, рассеялись по горным полянам и укрепились в лесных чащах и когда встречались с врагами продолжали сечу с ними“.

(Там-же, стр. 73—104).

Описывая восстание албанцев в пятидесятых годах V века против сасанидов-захватчиков, историк V века отмечает:

„...албанский царь... присоединил к себе одиннадцать дагестанских царей, выступил войной против (сасанидского) войска, (которое) потерпело большой урон в сражениях".

(Там же, стр. 170—172).

По данным историка V века Лазаря Парбского, в совместной борьбе азербайджанцев, армян и грузин против сасанидов-захватчиков во главе восставших в 484 году стоял Ваган Мамиконян. Участники этой борьбы говорили:

„Мы не надеемся ни на (византийцев), ни на гуннов... но больше всего на павших... наших предков... ибо считаем лучше умереть, чем...быть свидетелями разорения нашей страны..."

И дальше тот же историк пишет, что войско Вагана Мамиконяна напало на врагов и перебило их отряд.

(Лазарь Парбский, „История". Изд. 1904 г. стр. 123—126).

Один из византийских историков, описывая события 541 года, лаконично сообщает:

„Иберия граничит с Колхидой и цари иберские довольно храбры и благородны".

(Византийские историки, стр. 55)[1]

Описывая участие в бою против арабских захватчиков одного из азербайджанских князей—Джеванширa, историк VII века М. Каланкатуйский пишет, что

„он ринулся в толпу с сильными мужами, повергнул на землю двух противников и получил три тяжелые раны. Лошадь его была ранена в четырех местах. Неприятель... преследовал его до реки. Он, сражаясь, переплыл реку; одежда и оружие его плавали в крови".

(М. Каланкатуйский. „История Агван" Изд. 1851 г., стр. 139).

Когда войска халифа-захватчика напали на Кавказ, то, по словам писателя VIII века Гевонда, они производили

„беззакония в селах мидийских, в Джуга и Хошакуник; мужчин мучили... а женщин старались опозорить гнусной срамотой... Когда до князя Ашота дошел слух о злодеяниях их, то он истребил их беспощадным мечом, а остальных обратил в бегство".

(Гевонд., „История халифов". Изд. 1862 г., стр. 11).

[1] См. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе, часть II. Византийские писатели, Тифлис, 1884 г. Ниже данный сборник именуется—„Византийские историки".

Когда полководец халифа и его войска бросились на подавление освободительной борьбы кавказцев, армянский князь Мушег, по сведениям историка VIII века, выступил против них, имея

„только 200 ратников; скоро завязалась между ними битва и Мушег... нанес врагам решительное поражение".

(Там-же, стр. 97—98).

Известный восточный историк X в. Табари, писавший на арабском языке, о Бабеке—выдающемся полководце азербайджанцев, боровшихся против арабских захватчиков, сообщает следующее:

„Он обратил в бегство несколько армий халифа и разбил много полководцев".

(Табари. „История народов и царей". Булакское изд., стр. 307).

Описывая защиту Бадза Бабеком и бабекитами, историк X века Ахмед ибн-Дауди ад-Динавари сообщает:

„Война продолжалась на площади посреди города. Это была такая страшная битва, подобной которой никто не видел. Дрались в домах и в садах".

(Ад-Динавари, стр. 3).

Летописец Григорий Абу-л-Фарадж-ибн-Ахрун-ибн-ал Ибри, живший в XIII веке, характеризуя Бабека, пишет:

„Он обратил в бегство несколько армий халифа".

Абу-л-Фарадж. „Краткая история государств". Бейрутское издание, стр. 241.

Армянский историк Степанос Орбелян, живший в XIII веке, пишет, что Бабек (Бабан) нанес сатрапу халифа Мервану в 827 году

„страшное поражение и обратил в бегство".

(Степанос Орбелян. „История Сюника". Изд. 1861 г., стр. 114—115).

Армянский историк, живший в XIII веке, Вардапет Вардан пишет о Бабеке:

„когда он вступил однажды в бой с арабами, то за одно сражение порубил 30.000 человек".

(Вардан. „История". Изд. 1892 г., стр. 79).

Историк X века Мойсей Дасхуранский, обрисовав как в дни восстания Бабека, в 821 году арабы-захватчики разграби-

ли район Амараса и взяли до 1000 мирных жителей в плен, сообщает, что армянско-азербайджанское войско шекинского правителя

„напав на них на рассвете, перебили и рассеяли их и (спасли) пленных, как из пасти льва".

(„История" М. Каланкатуйского, т. III, гл. 20).

В IX веке, по данным арабского историка XIII века Ибн-ал-Асира, азербайджанцы и армяне восстали против арабов-захватчиков, и

„уничтожили... войска (халифа) в один день".

(Ибн-ал-Асир. „Тарих-ал-Камиль". Изд. 1940 г., стр. 67

В 850 г. в Закавказье вспыхнуло новое восстание против власти арабского халифата, который подавил население несносной тяжестью налогов. Албанский князь Есаи Абу-Муса встал во главе борьбы крестьян Нагорного Карабаха против карательной армии халифата, прибывшей в Азербайджан под предводительством военачальника Буги. Есаи-абу-Муса на требование Буги о подчинении ответил следующими словами:

„Ныне, да будет тебе известно, сколько у меня хватит сил и жив буду, буду биться и сопротивляться моим могуществом и могуществом бога. Не встречусь с тобой миром и дружбой, но только с оружием, с луком и мечом, с храбрыми моими мужами на великолепных отборных конях. И если угодно тебе спасти себя и войско свое, удались отсюда из пределов моих. Если же по твоей бешеной ярости рассеять хочешь свои кости по степям нашим и стать пищей зверям нашей страны и птицам небесным, пусть будет воля твоя, я не причастен к твоей крови..."

(Фома Арцруни. „История". Изд. 1852 г., стр. 178—182)

В течение года боролся Есаи-абу-Муса против Буги. За это время карабахцы отбили 28 нападений арабских войск и нанесли им ряд тяжелых поражений.

Описывая борьбу армян области Сасун против полководца халифа—Абусета в 851 году, историк IX века, Фома Арцруни сообщает о победе сасунцев над врагом и об убийстве ненавистного Абусета одним из сасунских храбрецов:

„И полководец арабский Юсуф (Абусет) ждал пока пройдет зима, чтобы напасть на Армянскую страну и предать ее мечу и пленению... Когда жители горы (Сасуна) увидели, что увели в плен их князя и что им грозит опасность перенести то же, что претерпели жители

равнины, все множество секироносцев Хута (Сасуна) единодушно собралось и... взяв секиры, которые они постоянно носили при себе... пришли к городу (Муш), осадили его и предали мечу все войско (арабов), освободив заложников Васпуракана и пленных...“

„А сам марзпан,[1] убежав, взобрался на купол церкви, что имени Спасителя... и там внутри купола с трепетом и дрожа спрятался. Секироносцы окружили церковь и один из них с горы Хута Овнан, тот, который до прихода Буги во главе горцев царскому (арабскому) войску нанес большое поражение, взобрался в купол и ударом секиры поразил марзпана так что она вышла через легкие и тут же он испустил дух... И я своими глазами увидел этого мужа (Овнана), поразившего его, и у него удостоверился я во всем этом“.

(Фома Арцруни „История“.
Изд. 1852 г., стр. 195—198).

Описывая события 964 года, византийский историк сообщает, что император Византии Никифор Фока

„выступил с большим войском... и с союзниками иберами и армянами в Киликию... овладел городами Анибарцой, Россом и Аданой и довольно значительным числом других укреплений“.

(Византийские историки, стр. 38).

В 976 году один из претендентов на византийский престол—Варда Фока, попросил у царя иберов Давида

„вспомогательных войск... и получил их не мало... Получив эти войска и собрав своих, рассеявшихся вследствии бегства, он отправился в Панкалею и... остался победителем“.

(Византийские историки, стр. 38).

В 1038 г. в одной из областей Кавказа, которая по древней традиции именовалось Албанией, произошло крупное сражение в котором войско албанского царя Давида Анхогина боролось против персидских войск Эмира Апусуара, захватившего крепости и села албанские.

Историк XI в. Матвей Эдесский так описывает эти события:

„Великий эмир персидский Апусуар в это время, собрав все безверные племена... с ужасным возмущением вступил в Албанскую страну, в область Давида Анхогина, и причинил верующим множество бедствий... заняв много областей и до четырехсот крепостей, оставался там один год...

[1] По фарсид.—военный правитель области.

EB_1943_AKS_876

Тогда Давид приказал епископам, инокам и священникам об'явить всенародно, чтобы каждый взял в руки оружие ратное... Давид с двадцатью тысячами наступал на чужеземных храбрых мужей. Когда фронты ударились один о другой, сонм священников единодушно и с плачем поднял свой голос к богу, и от их голоса земля зашумела. А войско верующих... поразило чужеплеменных, которые все обратились в бегство... Войско (албанцев) с обнаженными мечами пустилось за ними и преследовало их в течение пяти дней; великое множество побили чужеплеменного войска, которое своею кровью залило все равнины и горы. Отняли также бесчисленное множество сокровищ—золота и серебра и большую добычу... В продолжение трех дней Давид завладел всеми областями, которые были захвачены чужеплеменными".

(Матвей Эдесский. История. Изд. 1898 г., стр. 79—82).

Описывая исторические события 1050 года, византийский историк, касаясь похода сельджукского султана, пишет о

„замках, которых очень много в Иберии, и которые сильно укреплены. Не смея вторгнуться дальше, он (сельджук) повернулся"...

(Византийские историки, стр. 49).

Византийский историк сообщает, что император Византии... Константин X Мономах (1042—1054 гг.)

„пользовался иберскими вспомогательными войсками числом до 50.000 человек".

(Византийские историки, стр. 6).

Грузинская летопись, описывая подвиги царя Грузии Давида Строителя (1084—1125 гг.), отмечает:

„В Эрцухе он дал большие и славные сражения с таким успехом, что с горстью воинов, с дружинами, воодушевленными отвагой, он разбил на-голову окружавшие нас бесчисленные войска (сельджукского) султана... Что касается царя, то он не оставался, подобно иным, позади своих войск, не распоряжался издали, как это делают многие. Напротив того, он выступал перед рядами, крича им громким голосом, подобно льву. Он бросался во все стороны, быстрый, как ураган, как Голиаф, нанося тяжкие удары... В этот день под ним были убиты три лошади и он закончил бой, сидя на четвертой...

(Грузинская летопись. Перев. Броссе. Том 1, стр. 351—370).

Описывая битву грузин против войск сельджукского султана, происходившую в начале XI в., историк XIII в. Ибн-ал-Асир о судьбе захватчиков пишет:

„и сразились грузины с ними и перебили многих из них."

(Ибн-ал-Асир. „Тарих-ал-Камиль". Изд. 1940 г., стр. 119—120).

Нападение сельджукского султана в 1123 г. и совместную борьбу народов Закавказья против захватчиков грузинская летопись описывает в следующих выражениях:

„Год спустя, султан явился в Ширван, захватил ширваншаха и город Шемахию (Шемаху) и послал с гонцом царю (Грузии) письмо следующего содержания: „Ты царь лесов и никогда не спускаешься на равнину. Я, вот, взял ширваншаха и требую с него харадж. Если хочешь, то пришли мне соответствующие дары, если нет, то поспеши прибыть ко мне". Прочтя это, царь тут же послал призыв своим войскам, которые поспешили собраться со всех сторон царства, и выступил в поход против султана... Уведомленный о движении и числе царских войск, испуганный султан покинул степь... В тот же день царские воины изрубили до 4000 человек...

Никто, действительно, не осмеливался противиться ему"—сообщает летопись, повествуя о походах Давида Строителя.

(Грузинская летопись. Перев. Броссе. Том 1, стр. 351—370).

В 1125 г. грузинские воины обороняли город Арджиш от могущественной тогда армии сельджукского султана, но, как пишет арабский историк XIII века Ибн-ал-Асир, грузины бились так стойко, что

„он ничего не мог с ними поделать... Он собрал и снарядил против них (грузин) много войск, но несмотря на это едва спасся от них".

(Ибн-ал-Асир. „Тарих-ал-Камиль". Изд. 1940 г., стр. 160—161).

В сообщениях о походах византийского императора Эмануила 1 Комнена (1143—1180 гг.) историк сообщает, что в 1155 году этот император воевал в Италии против сицилийцев. Он послал вперед своих двух полководцев

„вместе с иберами... Они вскоре натолкнулись на врагов, расположенных лагерем... те бросились бежать к своему войску, стоявшему недалеко оттуда, иберы же...

бросились на них с тылу, убили многих в последних рядах, отняли много вьючных лошадей и одно знамя".

(Византийские историки, стр. 52).

Летописец средневековой Грузии сохранил речь грузинского царя Георгия III (1156—1184 гг.) к войску перед битвой с вражеской армией в 1156 году:

„Братья, мои верные сподвижники!.. Славная смерть храбрых, ведущая к пути вечного существования неуничтожаемой славы, лучше чем медленное приближение к смерти через болезни...

Вперед, мои крылатые львы! Поднимите свои копья"...

Став во главе 3000 человек, улыбаясь, весело он проговорил: „Дети, победа будет за тем, кто первый собьет знаменосца: его падение повлечет гибель неприятельского войска!" С этой уверенностью он прорвался через ряды и полки и пустил в указанную цель свой дротик. При виде своего знамени, поверженного этим ударом, достойным Ахилла, враги поспешно дают тыл и заботятся лишь о бегстве во всю прыть своих коней".

(Грузинская летопись. Перев. Броссе. Том I, стр. 384—392).

Около 1200 года сельджукский султан Рума пытался покорить Закавказье. Битву против этого врага так описывает грузинская летопись:

„Сеча была так продолжительна, что Иване, Закария, Григор, Шалва и Иване Ахалцихели, неустрашимый Тедин Торгвели и много других тавадов потеряли своих коней убитыми, и картвелы едва не дали тыл. Перечисленные храбрецы остались пешими среди сражавшихся. Воины, видя своих князей спешенными, решили пренебречь смертью и, соскочив с коней, сгрудились вокруг них, тоже пешими. Последовала ужасная схватка. При этом зрелище храбрый Давид подался влево, а Закария Мхаргрдзели сделал то же вправо. Картвелы, отошедшие, чтобы пешие не были раздавлены конницей, бросились прямо... Тотчас-же Сослан Давид ударяет с одной, а Закария Мхаргрдзели с другой стороны. Они бросаются на бесчисленное войско султана, как волки на овец. С первого же натиска, с первого сабельного удара...это бесчисленное множество расстраивается, оказывается побежденным, рассеянным, как дерево, вырванное из почвы и поверженное".

(Грузинская летопись. Перев. Броссе. Том I, стр. 456—462).

Якут Хамави—известный арабский автор XIII века—сообщает о кавказцах:

„Каждому из этих народов, располагавших большим количеством отважных всадников и пехотинцев, было поручено известное место для охраны".

(Якут Хамави. „Географический словарь". Том I, стр. 437).

Совместную битву ок. 1203 года грузин, азербайджанцев и армян Ширвана и Аррана против врагов народов Кавказа, грузинская летопись описывает в следующих выражениях:

„Под Закарией, сыном Варама, был убит конь, многие другие дидебулы (знатные воеводы) были ранены. Узнав об этом, сыновья Саргиса Закария и... Иване Мхаргрдзелидзе ударили со стремительностью быстрокрылых тигров и с трудом, но пробились к грузинскому отряду, теснимому настолько, что он вынужден был отступать. Они смотрят и видят неподалеку царский полк... и с первого же удара они разрезают на-двое неприятельское войско".

(Грузинская летопись. Перев. Броссе. Том I, стр. 435—445).

Описывая защиту князьями Багратионами юго-восточных областей Грузии (в XIII веке), летопись сообщает, что:

„Кайхосро Цицишвили, равно как и Джавах, отличились там подвигами, превосходящими подвиги древних героев. (Воины) пустились в путь... С одной стороны Сулхан Бараташвили и его братья, с другой—остальные Багратионы напали на неприятеля с тыла, ударили на него, привели в расстройство, стеснили его в ущелье и в глубине леса начали истреблять его, как цыплят".

(Грузинская летопись. Издание Броссе. Том I, стр. 326—329).

Арабский историк XIII века Ибн-ал-Асир, описывая захватнический поход моноголов на Кавказ в 1221 году, отмечает, что моноголы:

„направились к городу Ганджа, главному городу Аррана, но узнав о большом числе его жителей и об их мужестве... а также о неприступности города, они не пошли на него".

(Ибн-ал-Асир. „Тарих-ал-Камиль". Изд. 1940 г., стр. 140).

Житель города Ганджи, историк XIII в. Киракос Ганджинский, бывший свидетелем осады города моногольскими завоева-

телями и обороны его городским населением—эти события описал в следующих строках:

„И вдруг подошло войско татарское (монгольское) обложило со всех сторон город, применяя много осадных машин, начало против него военные действия. Они уничтожили пригородные сады, окружавшие город. Потом, применив тараны, разрушили со всех сторон городские стены, но не вступили в город, а напротив целую неделю, находясь во всеоружии, держали город в осаде. Когда жители увидели, что город взят неприятелем, некоторые вошли в свои дома, подожгли их и сгорели сами, чтобы не попасть в руки врагам; другие же сожгли все, что могло гореть в огне, и остались только сами".

(Киракос Гандзакский. „История". Изд. 1908 г. стр. 221—224).

Монгольские орды Чингиз-хана подошли к Шемахе. Ибн-ал-Асир пишет, что они

„осадили город Шемаху и сразились с его жителями, но те выдержали осаду... Жители выдерживали самый сильный бой и когда однажды чуть было не были взяты, сказали себе: „От меча все равно не уйдешь, так лучше нам твердо стоять, по крайней мере умрем с честью, и они твердо стояли..."

(Ибн-ал-Асир. „Тарих-ал-Камиль". Изд. 1940 г., стр. 141).

Описывая события 1306 года, византийский историк пишет, что

„иберы—отличные и испытанные воины. Им врождены были воинственный дух и благородное удальство; кроме того, они имели очень любезный нрав".

(Византийские историки, стр. 52).

Обрисовывая борьбу грузин против шахов-захватчиков в XVII веке, историк XVIII века Закария Саркаваг сообщает, что

„...грузины нападали (на врагов) по ночам, убивали их... Привычка к этому роду войны наносила много вреда (врагу)... Каждый раз, когда Грузия подвергалась нападению персов, грузины, пользуясь ночной тьмою, проскальзывали между ними и действовали как описано..."

(Захария Саркаваг. „История Софи". Изд. 1876 г., стр. 122—123).

В XVII веке грузинский народ вел героическую борьбу против шахов и султанов-захватчиков. Одним из руководителей этой борьбы был великий моурави Георгий Саакадзе. Вот как описывает Вахушти, автор XVIII века, борьбу грузин под руководством Георгия Саакадзе и царя Теймураза, которые выбили врагов из Кахетии:

„Уведомленный о поражении своих войск и занятии Кахетии Теймуразом, разгневанный шах послал Иса-хана с многочисленным войском. Тот пришел и стал на реке Алгете... Последовал жестокий бой, в котором многие пали с обеих сторон... (Враги) бежали и были преследуемы... грузинами... Между тем Амир-Гуна, беглярбек ереванский, увидев с высоты марабдинских гор... славный грузинский отряд... ударил на него. Сражение возобновилось с новым пылом, хотя грузин было мало. Владетель Теймураз, моурави и другие, бывшие там карталинцы, бились очень храбро...

Моурави вступил в ехертские леса, близ Ниаба, напал на (врагов)... и истребил большое число их...

Начался ожесточенный бой... Моурави совершил чудеса храбрости...“

(Вахушти. „История“.
Изд. 1856 г., стр. 46—47 и 54—56).

Описывая население одной из областей Азербайджана—Ширвана—известный азербайджанский географ и этнограф XVIII века сообщает:

„Они являются отважными людьми“.
(Зейнал Абдин Ширвани. „Бистунсияхи“. Стр. 324).

Об азербайджанском городе Шуше тот-же автор замечает:
„Захватить ее силой вне человеческих возможностей“.

(Там-же, стр. 321)

Историк XVIII века, описывая борьбу армян под руководством Давидбека против иранских шахов и османских султанов-захватчиков, пишет, что Давид-бек заявил:

„Я совершенно уничтожу... чужеземцев, вторгшихся в страну...“

„Давид-бек, со своими 400 героями... бросился на врага, поражал все... Однако бой не скоро закончился... Население Капана и Чавндура[1], узнав о вооруженной помощи Давид-бека армянам, с огромным воодушевлением стало присоединяться к нему. Храбрые и деятель-

[1] Капан и Чавндур—районы Зангезура.

ные жители города Мегри[1] совершили ночью такой подвиг: переправившись через речку, они с жаром ударили на неприятельский лагерь, перебили многих и принудили сына (шаха) .. с его 20000 человек бежать вплоть до города Ордубада. По своей малочисленности они не имели возможности ни уничтожить их совершенно, ни помешать их бегству и вернулись домой...

(В одном из сражений в крепости Анапат)... все, носившие оружие, кроме оставшихся для защиты стен, собрались и, прикрывшись щитами, с жаром ударили на врага.

Мхитар и Тер-Аветис воскликнули: „Смелее, за нами! Если это наш последний час, то умрем со славой".

Они напали сперва на правое крыло, сея смерть направо и налево. (Османы) при виде этого безумного порыва смутились и... откатились, сминая свою вторую и третью линии... их расстройство и стремительное бегство достигли предела.

Совершившие вылазку... пустились их преследовать, поражая многих на месте, гоня других, разя и разгоняя".

(„История Давид-бека".
Изд. 1876 г., стр. 231—246. XVIII и XIX века).

Хроника, составленная в XVIII столетии, так рисует борьбу горцев Азербайджана против войск Надир-шаха в области от Джара до Закатал. Описываются события осени 1738 г.

„Завязался бой перед горой Джаник. В этом бою кызылбаши[2] были разбиты и обратились в бегство, потеряв убитыми Ибрагим-хана, главнокомандующего армией... и других ханов, султанов и воинов. От них досталось много добычи, в том числе 1500 ружей, три пушки и другие вещи. Убежали также и коменданты окопов Каха, Шеки и Ширвана".

(„Хроника войн Джара в XVIII столетии".
Изд. 1931 г., стр. 30).

Азербайджанский историк XIX века Аббас Кули Ага Бакиханов, описывая борьбу закавказских народов против Надир-шаха, сообщает, что в феврале 1741 г.

„Лезгины укрепились в трех пунктах: в Джаре, Кавыхе и Агзибире; военные действия начались осадою Джара. Неприятель после некоторого сопротивления от-

[1] Мегри—город близ Ордубада.
[2] Так автор хроники называет иранское войско.

ступил к Кавыху, где несколько дней продолжались кровопролитные стычки. Лезгины перешли в Агзибир, укрепление, построенное на вершине горы среди густого леса, через который пролегала только одна тропинка. Абдалинцы (враги) пошли охотниками впереди, от самого утра до позднего вечера продолжалась упорнейшая битва. Обе стороны потерпели одинаковые потери. Наконец, в самую полночь абдалинцы, несмотря на град пуль и камней, подавлявшие их, потеряв только 100 человек, взошли на вершину и овладели укреплением. Лезгины, отрезанные с северной стороны и, не видя возможности спасения, бросались со скал в пропасть, те же, которые, не имели такой решимости, погибли под кинжалами победителей".

(А. Бакиханов. „Гюлистан-Ирам". Изд. 1926 г., стр. 120).

Джарская хроника в скупых словах описывает знаменитую победу защищавших свою независимость дагестанцев над войском Надир-шаха в восточном Дагестане у горы Чох, осенью 1741 г. В хронике записано:

„...жители Джара и Талы находились ...в лесах и долинах, занимаясь все время угоном кызылбашских лошадей из окрестностей окопов, лежащих между Джаром и Талой[1] и окопа Конах-Руха... В это время Тахмаз (Надир-шах) находился со своими войсками на горе Чох... (После поражения) Тахмаз возвратился с половиной своего войска в Шабран,[2] лишившись казны, имущества и почти всех вьючных животных, но дагестанцы не погнались за ним из Чоха и Сугурая... Это было в 1154 г. (1741 г. н. л.) в начале осени. Тахмаз с уцелевшей частью своего войска вступил в Дербенд с позором, так как не мог отомстить дагестанцам..."

(Хроника войн Джара в XVIII столетии. Изд. 1931 г. стр. 35, 36).

Надир-шах в северных частях Азербайджана и в Дагестане потерпел немало поражений, нанесенных ему народом, борющимся за свою свободу. Вот один из многочисленных примеров партизанской борьбы против войск Надир-шаха.

„В том же августе (1742 г.) шах отправил для нападения на владения аварского хана Малые Авары 6 ты-

---

[1] Селения в области Закатал.

[2] Шабран ныне не существует. Находился в северной части Кубинского района.

сяч человек, которые, как туда ущельем и лесом пробирались, то зашедшими туда благовременно и между деревьев и камней кроющимися лезгинами с обеих сторон встречены были ружейными выстрелами, и с немалым уроном принуждены были отступить. За то шах из войска тут бывшего приказал удавить одного тысячника и четырех сотников".

(П. Бутков. „Материалы для новой истории Кавказа", т. 1. Изд. 1869 г., стр. 215).

Описывая борьбу дагестанцев против Надир-шаха, пытавшегося покорить Кавказ, русский автор XVIII века сообщает:

„Шах персидский, уже через полтора года в Дагестании для желаемого себе тамошних народов покорения пребывая, но никакой удачи в том не получа, с претерпенным токмо при сей экспедиции, как из войска своего знатным уроном, так и с великими убытками иждивения и крайними притом изневагами и трудностями из одной Дагистанской земли, со всем при нем оставшимся войском возвратился в Персию".

(Прибавление к Санктпетербургским ведомостям № 22, 1743 г. Приведены в книге П. Г. Буткова—„Материалы для новой Истории Кавказа", том I, изд. 1869 г., стр. 383).

Обрисовывая нашествие Надир-шаха на Закавказье в XVIII веке и отпор, которы.. ему дал нухинский хан Хаджи-Челеби, азербайджанский историк XIX века Гаджи Сеид Абдул Гамид сообщает:

„Шах Ирана Надир-шах выступил с войсками на Шекинский вилайет, чтобы наказать Хаджи-Челеби-хана. Хаджи Челеби-хан же, захватив с собой нухинских людей, ушел в гору Гелесен-Геpесен. Надир-шах остановился у подошвы горы Гелесен-Геpесен, в местности называемой Карван. Люди Хаджи Челеби-хана по ночам под покровом ночной тьмы подходили близко, стреляли, причиняли урон шахским войскам. Надир-шах...несколько раз посылал войско на Гелесен-Геpесен, но не мог победить Хаджи Челеби-хана и ушел обратно в сторону Ирана, остановился в местности, известной под названием Муган".

(Гаджи Сеид Абдул Гамид. „Шекинские ханы и их наследники". Изд. 1930 г., стр. 16).

Известный азербайджанский историк первой половины XIX в. А. Бакиханов о геройской защите крепости Гелесен-Гересен пишет:

„...с наступлением весны (1157 г. х., 1744 года н. л.) шах Надир отправился в Шекинские горы и долгое время осаждал укрепление Гелясен Гюрасен, куда заперлись некоторые шекинцы, под начальством Гаджи-Челябий, сына Курбана... Надир, осаждая его безуспешно, в начале июня отправился через Карабаг, в горы Гогджа-Эйлях, а оттуда пошел опять против Турции..."

(А. Бакиханов. „Гюлистан-Ирам". Изд. 1926 г. стр. 123, 124).

В 1795 г. Ага Мухаммед хан Каджар, крупнейший из ханов Ирана, желая подчинить своей власти Закавказье, двинул войско против Ибрахим-хана Карабахского, чьи владения прикрывали Закавказье. Ибрахим-хан организовал оборону крепости Шуши и поднял население Карабаха на партизанскую войну против захватчика. Ниже приводим один из эпизодов обороны крепости Шуши, сообщенный армянским историком середины XIX в. Яковом Закарянцем.

„Спустя два дня ночью все иранское войско, подойдя со всех сторон, осадило город (Шушу). На восходе солнца пришли известия в город о том, что город окружен. Все (жители гор. Шуши), вообще отвергнув от себя страх, яростно, как огонь вооружались. Мужчины, оставив жен своих и дома, с ружьем и мечом ринулись к восточной стороне города, которая была защищена искусственной и слабой стеной. А женщины, не вытерпев, оставили дома свое хозяйство и детей, стремительно направились к вершине природной скалы и от горы той стали откалывать громадные камни. Эти камни они сбрасывали на вражеское войско, камни катились и каждый из них умерщвлял двадцать или тридцать иранцев.

Считая это недостаточным, эти храбрые женщины надумали другим способом причинить врагам еще более сильные удары. Где то поблизости сложены были бревна. Как львицы набросившись на них, превозмогая женскую слабость, толкая, перекатывали они эти тяжелые длинные бревна. Скатываясь по склону горы, эти бревна раздавливали и расшибали по сорок или пятьдесят человек из многочисленного вражеского войска. Через час немногие из врагов, оставшиеся в живых, убежали с горы на равнину, где стояло все войско...

И когда они (враги) не смогли причинить городу вреда, но напротив были побеждены храбрыми женщинами и

многих из рядов своего войска потеряли, они убежали оттуда и все собрались вместе на вершине Довталаба к своему военачальнику шахзаде Сулейману. То место, где они собрались было против пятнадцати крепостных башен города в расстоянии пушечного выстрела. Когда Ибрахим-хан увидел, что они собираются вместе, приказал чтобы в тот день с утра и до полудня не стреляли ни из пушек, ни из ружей, ни с башен, ни с крепостных стен, напротив, чтобы ждали пока все иранское войско соберется в одном месте.

В 6 час. дня, когда все войско собралось на вершине Довталаба, со всех стен стали беспрерывно стрелять из тридцати пушек в течение часа. Бесчисленное множество их (вражеского войска) рассеялось по долинам и горным ущельям. Когда Гасан Кули хан, полководец крепостей Аскеранских, услышал, что иранское войско понесло поражение, взяв все свое войско, стал преследовать их по следам и, избивая их, гнал до реки Аракса".

(Яков Захарянц. „История области Арцаха", написанная в 1853 г. Перевод (№ 924) с рукописи Ин-та истории АзФАН)

О борьбе Грузии в 1795 году против нашествия захватчика Ага Мухаммед хана Каджар грузинский историк XIX века Теймураз пишет:

„...10 сентября произошло первое сражение. Царевич Давид с небольшим отрядом... сразился на Крцанисской равнине с авангардом Ага-Мамед-хана.

Сражение длилось долго, грузины и имеретины дрались столь храбро, что персы были отброшены назад с большим уроном.

На другой день... выступил сам царь Ираклий со своим войском...

Сражение началось... утром в 6 часов, и на первых порах было очень удачно для грузин. Передовой отряд отважно бросился на персов и подкрепленный отрядом царевича Вахтанга, а через некоторое время тбилисскими жителями под командой Мачабели, который повел их в сражение, играя на лютне „шадиани"[1], одержал победу, захватил несколько вражеских знамен и чуть было не добрался до знамени самого Ага-Мамед-хана...

Сражение длилось с 6 утра до 5 час. полудни. Ираклий... надеялся на победу и не хотел отступить... Царевич Давид, в то время, когда Ираклий выступал из

1 Музыкальный инструмент.

Тбилиси, все еще продолжал стоять на одном и том же месте и с успехом отражал нападения.

(Теймураз. „Взятие Тифлиса Ага Мамед ханом в 1795 году". Изд. 1895 г., стр. 5—12).

В 1826—1829 годах иранский шах и турецкий султан вели войны против России. Военные действия происходили в Закавказье. В этих войнах, в составе русской армии, участвовали и воины-кавказцы.

Ниже приводятся свидетельства о храбрости кавказцев в те дни.

В 1824 году сын иранского шаха, Аббас Мирза осаждал крепость Шушу (Шуша-кенд). Историк В. Потто пишет по этому поводу:

„Аббас Мирза неоднократно пытался истребить ненавистную ему деревню, все его усилия разбивались о стойкость армян и неприступность гор, среди которых стояла Шуша-кент. Жители, предводимые своими старшинами Сафаром и Ростомом Тархановым, засев в скалистом ущельи, в вырубленнных природой глубоких и мрачных пещерах, не только отражали врагов, но время от времени, сами спускались с гор и тревожили весь (вражеский) лагерь своими набегами... защитники Шуши... готовы были лучше умереть под развалинами, чем уронить честь...

(В. Потто. „Кавказская война", т. III, вып. I. СПБ, 1886, стр. 81).

В 1824 году, по свидетельству историка В. Потто,

„В отряде Карягина находился один молодой армянин, по имени Вани Юзбаши,—и этот человек принес Карягину пользы больше, чем принесло ему несколько сот всадников".

(В. Потто. „Первые добровольцы Карабаха". Тифлис, 1902 г., стр. 15).

Описывая бои 1826 года под Ганджой, В.. Потто отмечает:

„Маленький корпус наш составлен был из избранных кавказских храбрецов,—рассказывает один из участников этого сражения,—которые были проникнуты собственным достоинством, для которых не было ничего невозможного".

(В. Потто. „Кавказская война", т. III, вып. I. СПБ, 1886 г., стр. 175).

В рапорте царю из лагеря при кр. Карс от 19 июня 1828 года дано описание сражения во время которого:

„Уверенный в успехе неприятель понесся за казаками, а в сие мгновение я послал и. д. начальника штаба... со сводным уланским полком, линейным казачьим татарским[1] ополчением и двумя орудиями линейной артиллерии отрезать неприятеля от крепости. Стройность и быстрота сей атаки, произведенной под огнем крепости во фланг неприятеля, смяла его и причинила жестокое поражение... Не взирая на отважность неприятельской конницы, которая бросалась в рукопашный бой, наша иррегулярная кавалерия ничем не уступала ей в сем роде сражения".

(Из „Всеподданейшего рапорта гр. Паскевича от 19-го июня 1928 г. Лагерь при кр. Карс". Акты кавказской Археографической комиссии, т. VII, док. № 753, с. 749).

В другом рапорте царю от 28 июля 1828 года из под Кара-су сообщалось, что

„мусульманские полки отличались в продолжение всей кампании усердием и храбростью".

(Акты Кавказской Археографической комиссии, т. VII, док. № 806, стр. 812).

10 августа 1828 года в военном рапорте ген. Паскевича царю из под Ахалциха сообщалось:

„Турецкая конница три раза бросалась на нашу, но всегда была наводима татарскою конницею на батарею 4-х донских конных орудий под начальством майора Полякова, отражавшего турок картечным огнем, после чего всякий раз татарская конница с отважностью преследовала их..."

(Там-же, док. № 763, стр. 762).

Один из русских генералов, Н. Н. Муравьев-Карский, описывая русско-турецкую кампанию 1829 года, дает следующую характеристику полкам, созданным из азербайджанцев:

„Полки сии собирались к назначенному времени, получали некоторое начало регулярного образования, выступили весной в поход, служили хорошо и были грозою для турок, совершая победы, одерживаемые нашими войсками в преследовании бегущего неприятеля, на коего набегали с удивительной быстротой и неотступностью, и что прежде турки не видали, будучи разби-

[1] В русских документах XIX в. азербайджанцев называли татарами.

ты нами, они не находили покоя в бегстве своем и поражались с конца на расстоянии 30 или более верст, теряя обозы свои, вьюки и множество пленных".

(Из записок Муравьева-Карсского, 1829 год. Журнал „Русский архив" 1894 года, книга 3, стр. 380).

Описывая события войны 1829 года, генерал Родожицкий дает следующую характеристику азербайджанским частям, участвовавшим в этой войне:

„Должно отдать справедливость, что карабахские татары при всякой встрече с турками первые впереди и храбро дрались".

(Ген. Родожицкий. „Взятие Эрзерума в 1829 году". Журнал „Древняя и Новая Россия", 1877 год, № 8, стр. 302).

Князь Абхазов в 1829 году в письме Н. И. Раевскому писал о воинах-кавказцах:

„Рустам бек Карабахский, помощник командира первого мусульманского полка, имеет репутацию храброго человека... чему свидетельствуют раны, его капитанский чин, за отличие полученный... Шир Алибек—сын прапорщика Мамед бека Амирал-оглы, весьма заслуженного человека, во время нашествия персиян, бросившего свой дом, скотоводство и в рядах наших солдат ушедшего в Кубинскую провинцию, где во все время оказывал примерную храбрость... и непоколебимое усердие, по изгнанию неприятеля из Ширвана, вместе с нашими войсками преследовал Мустафу-хана и во все время находился в сражениях с нашими войсками.

Штабс-Капитан Умбай бек, славный молодец, храбрый, раненный, постоянно преданный нам и... всегда отличный заслугами..."

(Архив Раевских, том 1. С.-Петербург, 1908 г., стр. 448).

В письме ген. Паскевича, адресованном графу Чернышеву с Кавказского фронта в апреле 1829 года, отмечено, что

„В продолжение кампании 1828 года против турок конное ополчение мусульманских наших провинций, не взирая на малочисленность онного, служило весьма усердно и во многих случаях, быв подкрепляемо регулярною конницей и артиллерией, было полезно... Мухаммедане всех областей, нам пренадлежащих, просили убедительно позволения к предстоящей кампании составить ополчение гораздо значительнейшее, дабы разделить

подвиги храбрых войск наших, и соревнование сие распространилось на Джарских и Белаканских лезгин, которые также просили позволения выставить от себя отборных воинов".

(Акты Кавказской Археографической комиссии, Том I. VII, док. № 284, стр. 325).

Генерал Паскевич отметил, как ему в Грузии говорили, что

„... для дворянства и народа грузинского прискорбно будет, если я допущу одних только мусульман участвовать в войне... просят позволения собрать милицию грузинскую, которая может служить и для собственной обороны Грузии и для содействия войскам нашим в войне наступательной".

(Там-же, док. № 284, стр. 326).

В военном рапорте царю с Кавказского фронта от 8 марта 1829 г. сообщалось об участии гурийской милиции в боях. Враг открыл огонь, укрываясь в завалах.

„Милиция, взяв их во фланг, обратила в бегство и быстрым натиском столь устрашила, что бывшие в последующих двух завалах бросили оные и бежали в лагерь...

Наконец, генерал майор... устроив батарею, действовавшую успешно гранатами и картечью, приказал взять штурмом лагерь, что и исполнено, как пехотою, так и милициею с отличною храбростью и мужеством. Выбитый из окопов неприятель, бросив все имущество и множество оружия, рассеялся в лесу..."

(Там же, док. № 780, стр. 779).

В военном рапорте царю от 19 июня 1829 года сообщалось об участии в боях азербайджанского полка, собранного, как тогда писали, в Карабахской провинции:

„оный открыл... неприятельскую пехоту и конницу... 1-й мусульманский полк, предводимый командиром своим подполковником Усковым, стремительной атакой опрокинул турецкую кавалерию, первый проник в завалы и, поддержанный казаками, преследовал конницу и пехоту неприятельскую, покуда местоположение позволяло".

(Там же, док. № 791, стр. 792).

В следующем рапорте царю от 23 июня 1829 года сказано:

„Не должен умолчать о похвальном усердии... полков мусульманских... Во всех сражениях они дрались отлич-

но храбро, в атаках были всегда впереди, бросались даже мужественно и твердо на неприятельскую пехоту; большая часть пушек, знамен и пленных отбита ими".

(Там же, док. № 792, стр. 797).

В рапорте об одном из сражений 1829 года, когда решено было атаковать неприятеля одной конницей, написано:

„Достойно внимания, что по вызову охотников из 2-го мусульманского полка явились все четыре сотни. Атака произведена была весьма дружно, и хотя выбитый неприятель, отступая к деревне, еще три раза утверждался на выгодных позициях, но татары наши всегда опрокидывали его, преследовали и на плечах бегущих ворвались в деревню; отсюда, таким-же образом выгнав неприятеля, преследовали его несколько верст и отбили два знамени".

(Там же, док. № 814, стр. 824).

В т. н. Восточной войне („Крымская кампания") 1855 года в составе русской армии были кавказские части из азербайджанцев, грузин, курдов, осетин, кабардинцев, действовавшие на Закавказском фронте. В документах, приводимых историком Н. Муравьевым, имеются следующие характеристики боевых качеств этих частей:

„горсть людей сих имела, по необыкновенной их храбрости, большое значение среди местной конной милиции, сопровождавшей выступившие войска".

(Н. Муравьев, „Война за Кавказом в 1855 году", том 1, СПБ, 1877, стр. 64).

„Грузины вступили в лагерь под звуки своей родной зурны, готовые, как всегда, веселиться до дела и биться на смерть, когда станут лицом к лицу с врагом"

(Там же, стр. 159).

„В разведке II/IX 1855 года на неприятельский тыл особенно отличились героическими подвигами юнкера горской милиции—молодой Казбек и Гиго Гуатуа. В разведке Казбек преследовал непрнятельских всадников вплоть до их укрепления. Под ним убили лошадь и его ранили саблею в голову и двумя пиками в бок... но находившийся при войсках известный своею храбростью молодой имеретин Гиго Гуатуа один бросился на выручку Казбека... и привез обратно на своей лошади раненого".

(Там же, стр. 267).

EB_1943_AKS_876

В той-же кампании 1855 года грузинские дружины

„прибыв в село Хоны, об'явили, что дальше не отступают... Восемьдесятилетний старец Симон Церетели вонзил посох свой в землю и сказал: „...Здесь умру, но ни шагу назад".

(Акты Кавказской Археографической комиссии. Том XI, док. № 116, стр. 145).

Когда военачальник султана 11 января 1856 года напал на жителей селений Хони и Махташ и требовал просить у него прощения „в течение трех дней", то грузины крестьяне ему ответили:

„Мы... воюем... за честь, мы не умеем льстить и лицемерить, ибо мы есть столбы нашего отечества. Что-же касается до того, что вы предадите огню дома наши, то это дело дикости и неприличия; это значит, как говорит пословица: „верхом сесть не могли и за то разбили седло". Если не сегодня, то завтра прогоним вас по милости бога".

(Акты Кавказской Археографической комиссии. Том XI, док. № 204, стр. 213)

Современники отмечали, что в 1855 году в Мингрелии против вступившего туда врага население подняло

„народную войну, которая в последнее время начала развиваться...

Партизанские действия производятся в разных местах и везде успешно... Лазутчики уверяют, что турки находятся в отчаянном положении, не смея ни на шаг удаляться из своего лагеря для фуражировок".

(Акты Кавказской Археографической комиссии., Том XI, док. № 162, стр. 188).

Один из документов периода 1855 года содержит такое сообщение о доблести грузин:

„2 декабря 1855 г. генерал кн. Г. Дадиани, получив сведение, что в Зугдиди находится турецкая пехота, предпринял напасть на нее врасплох, для чего ночью партия мингрельцев в числе 260-ти человек, совершив усиленный переход в 75 верст, расположилась к утру... в 4-х верстах от Зугдиди. На следующий день в $5^1/_2$ час. утра мингрельцы, подойдя с величайшей тишиной к местечку, произвели внезапное нападение с 4-х сторон... атаковали с величайшим мужеством строения, но в некоторых встретили упорное сопротивление. Пос-

ле $8^1/_2$ часов боя все местечко, за исключением дома занятого целой ротой, было очищено...“

(Акты Кавказской Археографической комиссии. Том XI, док. № 179, стр. 196).

* * *

Помещенные в сборнике высказывания летописцев и историков доведены до середины XIX в., представлено более сорока авторов. Эти авторы жили в различные эпохи и в разных странах, принадлежали к разным народностям, имели различное социальное положение. Однако все они единодушно свидетельствуют о боевой отваге и героизме кавказцев.

Традиции воинского достоинства, чести, храбрости, презрения к смерти, любви к родной стране, традиции геройской защиты родины в течение веков сохранялись и оберегались народами Кавказа. Эти традиции представляют собой огромную силу. В дни Великой Отечественной войны советского народа против самого чудовищного и отвратительного врага—гитлеровской Германии, традиции героической защиты родины горят в груди бойцов-кавказцев. Веками освященное оружие подняли кавказцы против немецкого фашизма. В нерушимом содружестве с великим русским народом и другими народами Советского Союза, кавказцы борются против гитлеровской Германии. Этот святой союз советских народов победит гитлеровскую Германию и ее вассалов.

Редактор *В. Н. Левиатов*

Подписано к печати 13/II 1943 г. Печ. листа 2¼. Уч.-авт. лист. 2⅝. Тип. знаков в 1 печ. листе 44.544. ФГ02611. Заказ № 80. Тираж 3000.

Типография „Красный Восток" Азполиграфтреста НКМП.
Баку, ул. Пионера, 80.

1 р. 20 к.

4248.

Ак р
6165

ССРИ Әлмләр Академиясы—Азәрбайчан филиалы

Тарих институту

ГӘҺРӘМАН ГАФГАЗ

(Гафгазлыларын үәһрәманлығы
һаггында тарихчиләрин вә салнамәчиләрин
фикирләриндән)

ЭААзФ НӘШРИЙЯТЫ

Бакы — 1943

11/13 96